

ПИСЬМА С.А. ТУККАЕВА К В.Ф. МИЛЛЕРУ (1885-1889 ГГ.)

А.В. ДАРЧИЕВ

Соломон (Габуди) Алексеевич Туккаев – видный представитель осетинской интеллигенции последней трети XIX в. Жизни и научному творчеству С.А. Туккаева посвящен содержательный очерк Г.А. Кокиева [1], поэтому здесь мы напомним лишь основные вехи его биографии.

С.А. Туккаев родился 15 декабря 1857 г. в селении Новохристианское (ныне г. Дигора в Северной Осетии). Первоначальное образование получил во Владикавказском реальном училище. В 1880 г. поступил в Петровскую земледельческую и лесную академию. По окончании академии в 1886 г. служил в Московской казенной палате, а затем – в Департаменте окладных сборов. В 1887 г. у Туккаева открылась острая форма туберкулеза, и он вынужден был уехать на лечение в Кисловодск. Лечение в Кисловодске, отмеченное многими тяготами и неустроенностью быта, продолжалось 10 месяцев. Все это время Туккаев ожидал назначения на должность податного инспектора, которое пришло только в октябре 1888 г., но не во Владикавказ, как он надеялся, а в Армавир. Трудиться в этой должности ему пришлось недолго: тяжелая болезнь прогрессировала, и 29 марта 1890 г. Соломон Алексеевич Туккаев скончался (см.: [1, 5-14]).

Соломон Туккаев прожил короткую жизнь, но успел многое сделать для

развития осетиноведения. Еще будучи студентом Петровской академии, он оказывал большую помощь Всеволоду Федоровичу Миллеру в сборе фольклорного и этнографического материала, а также в изучении дигорского диалекта осетинского языка. С Миллером его связывала искренняя дружба, поэтому и после отъезда из Москвы Туккаев поддерживал с известным ученым оживленную переписку. До нас дошла, очевидно, лишь часть писем Туккаева, которые и представлены здесь вниманию читателей. Первое из них помечено 25 мая 1885 г., когда Туккаев проходил полевую практику в имении крымской помещицы О.М. Менжинской; последнее датировано 4 марта 1889 г., то есть было написано за год до его смерти.

В письмах отсутствуют сведения этнографического характера, но ценность их от этого не снижается. Они являются незаменимым источником для исследования биографии Туккаева (значительная часть их использована Кокиевым в упоминавшемся кратком очерке) и раскрывают нам его личность и внутренние переживания.

Есть и еще одна причина, по которой публикация этих писем представляется целесообразной. В них неожиданно обнаруживается незаурядный литературный талант Туккаева. Окружающих его в имении помещицы Менжинской людей он описывает с мастерством насто-

ящего сатирика, открывая перед нами небольшую, но яркую галерею персонажей «гоголевского» типа: пронырливый управляющий имением, напыщенный конторщик, девица с «мопсовой мордочкой», равнодушная к «пану Соломону» и т.д. Трудности, выпавшие на долю молодого выпускника Академии, под пером Туккаева превращаются в занимательные юмористические новеллы. В то же время автор пишет о своей жизни искренне и даже, как может показаться читателю, излишне откровенно. Но не будем забывать, что это дружеские письма, а «коварная нескромность истинного друга известна каждому».

Более поздние письма Туккаева (из Кисловодска и Армавира) совсем иной душевной тональности, поскольку несут на себе печать его неизлечимого недуга. Авторский сарказм все чаще переходит в недовольство и открытое раздражение, а тексты все больше напоминают медицинский анамнез с подробным описанием заболевания. Читать их, признаем, нелегко. Непрестанные жалобы на здоровье действуют угнетающе и даже отталкивают, пока в одном из последних писем мы не встретим короткую фразу: «Никто ко мне больше не пишет, кроме Сафара, все забыли». Почему-то именно эти слова вдруг вызывают сострадание и заставляют ощутить всю глубину мучительного одиночества молодого человека, осознающего свою обреченность. Как видно, Миллер был одним из немногих друзей, кому Туккаев мог открыть свою слабость и

рассказать о болезни, тщательно скрываемой им даже от ближайших родственников. Стоит ли сомневаться в том, что Всеволод Федорович всячески старался поддержать его.

Вместе с письмами Туккаева дополнительно публикуются еще два письма к Миллеру: его отца, Алексея Гавриловича, и младшего брата, Георгия Алексеевича Туккаевых. Алексей Гаврилович описывает неизвестные ранее обстоятельства последнего года жизни Соломона Туккаева, которые, между прочим, заставляют усомниться в общепринятой дате его смерти. Георгий упоминает о хранившихся у Туккаевых письмах Миллера, и, может быть, в семейных архивах их ныне живущих родственников все же удастся обнаружить эти ценные свидетельства дружбы двух замечательных людей.

Письма публикуются по сканированным копиям автографов, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Письма расположены в хронологическом порядке и снабжены общей нумерацией. Авторские даты воспроизводятся над текстом в правой его части, а отсутствующие в них элементы вносятся в угловых скобках. Редакторские даты и дополнения сокращенных слов также заключены в угловые скобки. Соответствующая ссылка на архив приводится курсивом непосредственно после текста письма. Обоснование датировок и сведения о лицах, упоминаемых в тексте, приведены в примечаниях.

ПИСЬМА С.А. ТУККАЕВА К В.Ф. МИЛЛЕРУ

№ 1. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру

<Крым, Чистельна> 25 мая 1885 г.

Нет чернил*: Милый батюшка Всеволод Федорович – не обижайтесь!

1. Итак, я в Крыму и водворился в имении панны Мельхиоровны. Но какое разочарование! Думал найти престелстную панну, нашел же пустой панский дом, где мне отвели комнатку и где по временам от скуки вою волком. Нет ни одного интеллигентного человека, мало того – не слышу даже чистого русского языка. Панне Мельхиоровне, как назло мне, угодно было зимовать в своем другом имении в Могилев<ской> губ<ернии>, где она пребывает и по сие время. Нет даже надежды, что она скоро вернется оттуда (не там ли он, мой соперник?). Скажите – не злая ли шутка с ее стороны бросать человека, с восторгом ждавшего ее встречи в *centre de toutes les antiquité** Фасмер М. ЭСРЯ. 1986. Т. II. Ей-Богу, ни к каким древностям я не расположен в данное время, меня больше интересует теперь хозяйство, а известно, что хозяйство без хозяйки нельзя назвать благоустроенным. Мне, изучающему хозяйство, следовало бы получить и хозяйку со всех сторон, как часть целого (хозяйства). Подобными доводами думаю выписать ее оттуда. Должна же, наконец, понять, что, если она нужна там, то и здесь нуждаются в ней не менее.

Не говоря уже о себе, по временам налетают сюда вороны, которые, по-видимому, очень желают ее видеть. Так, напр<имер>, недавно прилетел один из оных в образе молодого артил-

лер[ийского] офицера узнать о приезде Олимп<иады> Мельх<иоровны>. Но я ему ответил как следует – сказал, что Ол<импиады> Мельх<иоровны> нет, что Ол<импиада> Мельх<иоровна> не будет скоро и даже не будет в будущем году (пусть его проваливает). Буду надеяться на скорое ее возвращение, пока же примирюсь с теперешним моим обществом. Вот оно, это общество.

Управляющий – необразованный родовитый полячок, хотя уверяет, что он чистокровный русский и говорит по-польски будто бы потому, что этот язык деликатный. Составив такое ложное мнение о русском языке, он считает своею обязанностью только ругаться на этом языке и ругаться самым возмутительным образом, при этом ругает (по матушке и хуже) не только предметы одушевленные, но и неодушевленные, как, напр<имер>, сад, голую скалу и т.п. К этому нужно прибавить, что он человек с практическим нюхом, за что поплатился дорого. Лет 16 управлял он в каком-то имении, и крестьяне за несомненные заслуги принуждены были согнать его с этого места тремя пулями, пробившими ему не только ребра, но, кажется, и все внутренности. От дальнейших же долженствовавших последовать бед бежал в Крым. У сего управляющего есть жена, жена настоящая, которая не только безобразна, но и грязна настолько же, насколько муж ее чист. Странно, что муж считает лишним сажать ее за общий стол с нами (должно быть, в наказание за безобра-

* Центр всех древностей (фр.).

зие, в котором она мало виновата). Есть и помощник у нашего управляющего – тоже поляк. С виду он агнец. С трудом даже поверил, что ему мужики разбили голову в трех местах в бытность его лесным сторожем где-то в России. Его раны, причинившие ему только глухоту, причиняют и мне немалую неприятность, заставляя кричать во все горло, дабы быть услышану.

Конторщик – субъект в высшей степени интересный. Породу его трудно определить не только мне, но и самому председателю Москов<ского> Этногр<афического> общ<ества>. Верно то, что он не чистокровный, а метис. Скулы его говорят в пользу того, что примешана татарская кровь к каким-то другим кровям, но в каком количестве и к каким именно – невозможно определить. Кроме местных языков, он говорит еще на немецком и французском языках. Благодаря отчасти этому обстоятельству, отчасти мраку, покрывающему его прошлое, он смотрит сверху вниз на всех, не исключая и самого управляющего. Очень часто тяжело вздыхает, давая этим чувствовать присутствующим, что ему жилось когда-то несравненно лучше и что не вернуть ему прекрасного прошлого. Единственная страница, которую он раскрыл мне из своего бытия, объясняет все. Оказывается, что он служил раньше у одной помещицы, которой теперь только 83 года и, несмотря на это, пребывает по сие время в девах. Она пожелала быть в девах потому будто бы, что видеть не может мужчину, особенно красивого. Его же, нашего конторщика, она могла видеть, даже возила с собою за границу (конечно, в качестве лакея), где он и обучился иностранным диалектам. О том, за какие заслуги к нему такая милость со стороны деви с таким «карахтером», он умалчивает. Но нетрудно догадать-

ся, что за безобразие, которым он одарен как следует. Бывают же странные вкусы.

Табаковод, или плантатор – грек по рождению. Стоит взглянуть на его гордую осанку и величавые усы, чтобы сказать: «Да, он знает свое дело». У него есть дочь – молодая гречанка, которая также похожа на гречанку, как какая-нибудь расплывчатая деревенская Матрена на Клеопатру.

Садовник, или ботаник, как его называют, происхождения неопределенного, или скорее неопределимого происхождения. Говорит на польском, малоросс<ком> и русском языках одинаково плохо, настолько плохо, что, когда говорит на польском, его не понимает поляк, когда на малор<осском> – малоросс, когда на русском – русский (и я тоже не понимаю его). Он сам сознает, что напрасно всю жизнь гонится за тремя зайцами. И я такого же мнения, почему и дал ему добрый совет: бросить все эти три языка и взяться снова только за один – конечно, за осетинский. По крайней мере, не будет говорить вместо органов размножения органы размножения, как он это делает теперь.

Материалу для письма очень много, но начинаю уставать, да и места мало, а потому постараюсь закончить письмо.

Живется мне скорее плохо, чем хорошо, почему – узнаете после. Кормление – плохое. Уход – интенсивный, так как приставлены ко мне особы обоих полов: полубарышня с мопсовой мордочкой, но с хорошо развитыми молочными признаками. До того внимательна ко мне, что стол мой всегда украшен роскошными букетами из роз (согрешить, али нет?). О другом, о Данилке-дворнике и о курье с ним – расскажу после.

Просьба моя – устройте мою судьбу, если только это не будет тяжело для Вас, а главное не поставит Вас в

неловкое положение в отношении тех, к которым придется Вам обращаться ради меня. Если да, то, пожалуйста, не предпринимайте ничего; если же нет, то напишите к Кавказ<ким> попечит<елям>, Юрковскому², Смекалову³ и поговорите с Капнистом⁴. У попечителей просите место учителя ест<ественных> наук, у генералов же – всякое место, какое можно предложить образованному человеку. Кавказских властей можете убедить, что они должны дорожить такими, как я, что я им буду полезен, что отнесусь добросовестно ко всякому делу, за которое возьмусь, и т.п. Все эти господа, насколько мне известно, очень дорожат Вами и Вашим мнением, а потому сделают все, что в их власти. Попробуйте – авось где-нибудь да и выгорит.

Кланяйтесь Евгении Викторовне⁵ и передайте мою просьбу: пусть помень-

ше дает книг Всеволоду Федоровичу и тем заставит его отдохнуть хоть за лето, а также откусит нос у Федурки⁶ (это ее страсть). Поклон и Ольге Апполоновне, если она еще в Москве, если же уехала, то пока спрячьте его в карман, а когда поедете, отвезете. Отберите у нее обещан<ную> мне карточку.

Приписка на левом поле л. 1: Адреса своего не даю Вам пока, ибо думаю удрать отсюда. Буду писать часто, но это не обязывает Вас отвечать так же часто. Даю Вам полную свободу не утруждать себя. Любящий Вас (*подпись С.А. Туккаева*).

Приписка на верхнем поле л. 2: Поцелуйте Нину⁷ в пальчик. Если она напишет мне письмо, то пришлю ей в подарок ко дню рождения целого татарина или грека.

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.

Ед. хр. 400. Л. 1-4.

№ 2. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру

28 июня <1885. Крым, Чистельна>

Ну, милый батюшка, снова я в имении Менжинской, где мне все опротивело; снова потому, что уезжал. Уехать-то уехал, но скоро должен был вернуться обратно. Кажется, не писал Вам, что заставило меня покинуть это имение? Причин, конечно, много – где все противно, там все плохо. Главная же причина – страх засорить желудок, как это случилось с конторщиком по свидетельству врача. Я же ел ту же самую пищу, след<овательно> не был гарантирован. Меню моего обеда, кажется, убедит Вас в справедливости моих слов. Щи из лука с нарезанными в них кусками свиного сала – и только. Иногда еще и каша – тоже с свиным салом.

Сначала деликатно, а потом и далеко неделикатно, давал понять я управляющему, что такая пища годна только для свиней и что я, кажется, не из таких. На все подобные намеки он угощал меня обещаниями, но отнюдь не обещаниями. Наконец, я его просил написать от моего имени к своей госпоже, чтобы она за какую угодно плату кормила меня человеческой пищей. Управляющий отказался исполнить и эту просьбу мою, будто бы из опасения обидеть панну. Иметь же своего обеда я не мог, так как около имения нет даже деревни, где бы можно было найти кусок мяса. Не ездить же мне, в самом деле, в Симферополь, за семь верст, покупать лучку на пятак, морковки на две коп. и т.п. Конечно, оставалось одно – уехать в другое имение, а для этого нужно было получить разрешение уехать из имения Менжинской, деньги и назначение в другое имение от Директора. Я получил разрешение и деньги, дать же назначение в другое имение отказался

дать мне Директор (обиделся), предоставив мне самому найти имение, где бы мне было хорошо. Что делать? Никого и никакого имения не знал я вблизи, где бы меня могли принять. Вспомнил, что в Херсонской губер<нии> есть какой-то Бракер и порешил ехать к нему, не будучи уверен, что он примет меня. Собрался в путь и уехал, сказав управляющему, что еду в Одессу гостить к знакомому. Он, управляющий, просил меня вернуться поскорее потому будто бы, что ему будет скучно без меня (???). (Впрочем, не странно, как Вы увидите дальше). Приехал в Одессу и тут только заметил, что почему-то у меня мало стало денег, настолько мало, что, если бы я доехал до имения Бракера и он бы меня не принял, мне бы не с чем было вернуться обратно. Думаю: «Стой, *monsieur** Туккаев, опасно пускаться в неизвестность; лучше вертай назад». Таким образом, пообедав хорошенько в Одессе, я на «Цесаревне» отплыл обратно (хорошо кататься на ней!) в ненавистную Чистельну, которая уже не так пугала меня вот почему.

Благодаря счастливой случайности, отношение управляющего изменилось ко мне. Как-то он зашел ко мне, и у нас зашла речь сначала вообще о Кавказе, а потом и о кавказском хозяйстве. Во время этого разговора он высказал сильнейшее желание управлять каким-нибудь хозяйством на Кавказе. Я вспомнил, что Ольга Ап<оллоновна> говорила мне о каком-то имении на Кавказе (спасибо ей), и говорю ему (конечно, шутя), что недурно было бы занять ему это место и что я бы мог ему

* Господин (фр.).

устроить ему это. Смотрю – человек весь преобразился: его самодовольная физиономия приобрела форму какой-то вытянутой заискивающей массы, готовой расплыться у ног моих. Думаю: «Ну, мерзавец, кажется, попался ты мне в лапы», и начинаю его уверять, что я очень хорошо знаком с ... (выдумал какого-то черта, что стоит мне только написать к нему, и он получит место управ<ляющего>, если только место это еще не занято и т.п. (необходимо в таких случаях давать условные обещания). С тех пор не только ем обеды из трех блюд у этого мерзавца, но и зовусь уже не просто Соломон Алексеевич, а «Соломон Алексеевич, сердце» или «пан Туккаев, сердце» (прошу и Вас называть меня уже так). Мало того, за обедом все время он толкует мне о воплощенной во мне добродетели, о высоком образовании моем и о той блестящей будущности, какая ждет меня и т.п. А я назло ему жру себе немилосердно, да и думаю: «Толкуй, толкуй, мерзавец, а управляющим у... все же не будешь». Глупец, мне самому через несколько месяцев, как отнимут стипендию, придется складывать зубы

на полку, а он ждет от меня себе желанного места!

Сознаюсь, что недобросовестно с моей стороны так зло шутить с человеком. Но, думаю, что не менее недобросовестно морить человека голодом. Во всяком случае, желая несколько очистить совесть, могу рекомендовать его, только не в управляющие, а на ... виселицу; если же он хочет непременно идти по сельскому хозяйству, то пусть возит воду на осле – только этого прочного животного он не в силах будет испортить, скорее осел его испортит, чем он осла. <...>

Приписка на левом поле л. 13: Кланяйтесь всем. Нет ли писем от Ник<олая> Викт<оровича>¹ из Кавказа? Подвигаются ли дела мои, порученные Вам, и предпринимать ли мне лично что-нибудь? Ваш (*подпись С.А. Туккаева*). Адрес: Симферополь, в имение г-жи Менжинской, Сол<оломону> Ал<ексеевичу> Туккаеву. Хотя в письме нет ничего весьма нужного, я все же написал на Вашем адресе, чтобы переслали Вам, если уехали куда-нибудь.

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.

Ед. хр. 400. Л. 13-14.

№ 3. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру
< Кисловодск, зима-весна 1888 г.>¹

Батюшка!

Получил Ваше письмо и, признаться, немало обрадовался ему, так как давно не получал писем из Москвы. Кому другому, а москвичам и Москве, которую так люблю, не прощу, если вздумают меня забывать. Не писал Вам до письма, которое послал недавно, потому что со дня на день ожидал от Вас письма, так как Вы всегда были аккуратны – не следовало меня приучать. Жалею и боюсь за Вас, что так завалены работой. Дело не зверь, говорят, в лес не убежит, а здоровье может убежать, как убежало мое.

Теперь уже неопределенного нет ничего в моей болезни, все выяснилось и обнаружено. На днях у меня было опять небольшое кровохарканье, почему я ездил в Пятигорск к доктору. Последний, который два месяца тому назад не мог еще обнаружить ничего, кроме ослабленного дыхания, теперь нашел и ясные признаки органического повреждения легких. Убедился он также и в том, что кровь шла раньше и идет и теперь не из горла, как он склонен был раньше думать, а, несомненно, из легких. Эта кровь, говорит он, ускорила процесс, так как часть ее, оставаясь в легких и разлагаясь там, вызвала разложение самих легких. В виду всего этого он советовал мне уехать в Сухум, Батум и т.п. приморские города, если есть какая-нибудь возможность; это обстоятельство, по его мнению, единственное надежное средство для окончательного выздоровления, хотя прибавил он – должно быть, чтобы успокоить меня – возможно выздороветь и в Кисловодске. Как видите, батюшка, сам я раньше и лучше

докторов определил болезнь. Это и понятно: я болел, я ощущал боль там или здесь у себя, а не доктора. Во все время пребывания в Кисловодске я ясно чувствовал, что рана на левом легком увеличивается постепенно, и в данное время без ошибки могу обвести на груди поврежденное место.

Пока не назначат меня во Владикавказ, т.е. до июля, думаю пробыть в Кисловодске. Думаю, что Аглинцев² даст мне одну из своих дешевых комнат в долг, или поместит меня с одним из своих сыновей. Если понадобятся деньги или что-нибудь – напишу. Живу по-прежнему больше дома, то чувствую себя хорошо, то отвратительно. Если будет у Вас время, напишите о своем житье-бытье и побольше обо всех; о Москве давно ничего не слышал и не читал ничего о Москве, даже газет московских. Как бы я был рад, если бы приехали на Кавказ! Авось, увидел бы Вас. Кланяйтесь всем. Извините за беспорядочное письмо.

Хуәрзабонаә, даә (дау) Гаәбуди.

P.S. Большая просьба к Вам, или к Евгении Викторовне, смотря по тому, кому это из Вас удобнее исполнить. Аглинцевой нужна гувернантка для детей. Она прочла в газете объявление одной особы, которая знает хорошо французский, немецкий и даже английский языки и музыку; кроме того, она образована и желает жить на Юге. Такая особа ей кажется подходящей. Адрес ее: на Никитской (Большой?), д. Чернева, кв. 2. э. ф. Нельзя ли будет ее пригласить Вам к себе, или узнать каким-нибудь иным образом, что она за особа, каковы ее требования и т.п. Условия Аглинце-

вой: роль одной гувернантки, т.е. учительницы, без ухода за детьми, отдельная комната, проезд до Кисловодска и 15 р. жалованья. Если хороша, то можно и больше. Живут они скромно, люди – безусловно, хорошие, хороши также и дети – три девочки от 8 до 12 лет. Летом, как Вам известно, в Кисловодске весело, зимой – скучно. Если не понравится ей, то обратный проезд на ее счет.

Если Вы найдете ее неподходящей, то не рекомендуете ли другую? Достаточно знания фр<анцузского>

и нем<ецкого> языков и способность приготовить девочек в 1-й и 2-й классы института и женской гимназии.

Когда писал это письмо, зашел ко мне кислов<одский> молод<ой> врач, которому я передал то, что нашел у меня пятиг<орский> доктор. И он со-
знался мне, что он также нашел у меня легк<ие> поврежденными, но считал нужным скрывать это от меня.

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.

Ед. хр. 400. Л. 26-28.

№ 4. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру

< Кисловодск, 21 мая 1888 г.>

Батюшка!

Вчера выкинул глупость: письмо к одной здешней даме второпях послал к Борису¹ и наоборот. Письмо к Борису, полученное дамой, было полно по обыкновению глупостями вроде следующих: «глупая моя», «по <...>» и т. под. Оно на первых порах, конечно, привело ее в ужас и изум...<...> барыню, но потом все прояснилось.

Погода здешняя, кажется, убьет меня. С 25 апреля по сей день (21 мая) было только два дня без дождя и то настолько холодных, благодаря сильному, холодному ветру, что выходить из комнаты было невозможно. В остальные дни дождь шел с раннего утра до поздней ночи. Само собою разумеется, что я окончательно заплесневел и потерял всякую надежду когда-нибудь проветриться. Благодаря этой мерзости, болезнь положительно съедает меня. Так как трудно усидеть целый месяц в комнате, где также завелась сырость, то часто простуживаюсь. В данное время уже неделю я не встаю с постели. Куда лучше меня теперь Евг<ения> Карловна², которая по крайней мере летом бывает здорова. Чего бы я не дал теперь за московскую весну.

Недавно нагрянул ко мне неожиданно отец с одним родственником. Конечно, был огорчен очень, хотя далек от мысли, что у меня чахотка. Я ему ничего не сказал, а сам он был введен в заблуждение мокротой, которая, к счастью, в этот день была белая.

Нового хорошего у нас нет ничего. Курс откроется официально 1 июня. Измаилу на днях будут делать опасную операцию; думают, что не выдержит. Умерли Абаевы – скрипач³ и тот, у которого Вы крестили ребенка. Мать с ребенком во Владикавказе без всяких средств к существованию. Кавказ готовится к приему Государя.

Что делается у Вас? Что насчет гувернантки? Однако что-то долго завозились Вы с нею. Денег ей можно будет накинуть. Что ваши, что Вольдемар? Вернулся ли перс и где персиха?⁴ Переехали ли на дачу? Что университет и где Ковалевский?⁵ Приедет ли сюда кто-нибудь из наших общих знакомых? Увижу ли Вас это лето? Поклонитесь всем низко и поцелуйте детей. Чего бы теперь я не дал за большую Федурку – рассеял бы тоску.

Желаю Вам всех благ (*подпись С.А. Туккаева*).

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.

Ед. хр. 400. Л. 17-18.

№ 5. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру
< Кисловодск, июнь 1888 г.>¹

Батюшка!

Соберу все свои силы, чтобы написать к Вам несколько строк. Сегодня получил Ваше письмо, которого ждал с таким нетерпением. Признаться, даже сердился на Вас, так как я был очень сконфужен из-за этой гувернантки. Дело в том, что Аглинцевы, ожидая от Вас ответа, остались на лето без гувернантки. Ну, теперь ничего, все уладилось. Хотя поздно получился ответ, но лучше поздно, чем никогда. Благодарю, что не поленились. Я думал, что Вы это дело поручили Евгении Викторовне, а она по насоновской беспечности забыла все. Теперь вижу, что виноват пред ней.

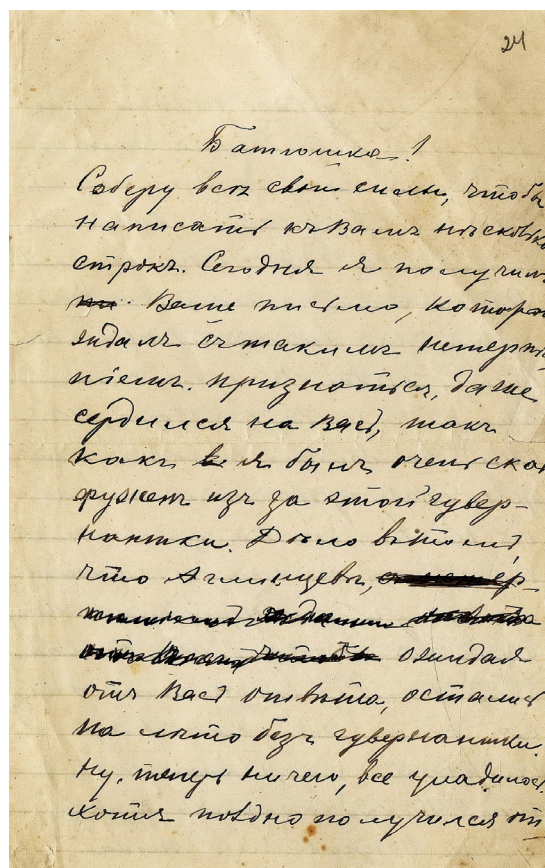
Теперь о себе. В прелестном мае я у себя во дворе получил воспаление легких, которое сразу превратило меня в ничто. Хотя уже хожу на ногах, но никуда более не гоюсь, еле передвигаю ноги, словом – кляча. От Соломонии, которого знали, остался один нос, который торчит, как известный Вам Кавказский хребет. Поправляюсь тоже туго, так как желудок отказывается от всего, а между тем аппетит есть. Отвратительный июнь тоже немало мешает моему поправлению. Скучаю очень, тем более что, кажется, начинаю надоедать Аглинцевым (последнее, может быть, и неверно – бедность подозрительна). Никто ко мне больше не пишет, кроме Сафара², все забыли. Отец Сафара умер.

Что Вольдемар? Перс? И др. Пишите хоть Вы о Насоновых, сами они народ гордый.

Да, о Леонове³. Недавно он был у меня и обещался еще быть. В какое смешное положение я был поставлен! Не знаю ни имени его, ни отчества, ни фамилии. Знаю одно, что он «Раичкин муж». Хорошо, что я по болезни не мог быть у него с визитом. Кланяйтесь низко всем Вашим.

Дæ Гæбуди.

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.
Ед. хр. 400. Л. 24-25.

24

Батюшка!

Соберу все свои силы, чтобы
написать к Вам несколько
строк. Сегодня я получил
Ваше письмо, которого
ждал с таким нетерпением.
Признаться, даже
сердился на Вас, так
как я был очень сконфужен
из-за этой гувернантки.
Дело в том, что Аглинцевы,
ожидая от Вас ответа,
остались на лето без
гувернантки. Ну, теперь
ничего, все уладилось.
Хотя поздно получился
ответ, но лучше поздно,
чем никогда. Благодарю,
что не поленились. Я
думал, что Вы это дело
поручили Евгении
Викторовне, а она по
насоновской беспечности
забыла все. Теперь вижу,
что виноват пред ней.

Вот, по моему мнению, что
никогда. Благодаря, что не
попытки. И думаю, что
Вот это ^{двое} поругане Евгений Ва-
новича, а она по насонской
безнаказанности забывает все. Теперь
также, что виноватым перед ней.
Теперь о себе. В прелестном
море и у себя на дворе, побу-
дил воспоминание неких, кото-
рые сразу превратились в меня
в кутю. Которые уже были
на ногах, но никогда больше
не возмущ, еще передвигаю ноги,
снова — кутю. Вот со мною
иногда, которого звали, в сего-
да, отныне и до, который
морщины, как ~~кава~~ субстан-
ция. Валил кавказский пере-
бей. Поправилась тогда

тыся, такъ какъ свелудокъ.
они касивались они всего, а меня
моя анимация есть? Они же
мы несутъ lions могут не
но, но мы не имеемъ моего
поправлению. Скурано вент,
моя то же, что, каменей,
набрана надобности Аними-
зации (последнее моему бы-
и не впрямь-бывающей подобра-
ментно). Никто кому то же
не имеемъ, кроме Сафара,
~~каменей~~ все, дабымъ. Онеги
Сафара умер.

Что возможно? перся? и др.
Ничего, какъ. Вн о нас, о
самы они ^{наде} горды.

Да, о ком-то. Недавно онъ былъ
у меня и обещалъ еще разъ.

Ты, какое счастье полное по тебе
 и тебе поставлено! не знаю
 не имени, ^{но} пожеланий, и вранья
 сия. Знаю одно, что у
 "Павлуша" и у "Павлуша". Хорошо, что
 и по добрым не ~~мне~~ ^{мне} ~~мне~~ ^{мне}
 у него и в будущем.

Dei Tåsyder.

№ 6. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру
< Кисловодск, июль-август 1888 г.>

Рад бы не огорчать Вас, Батюшка, печальными письмами о своем здоровье, но что делать, когда я не стал похож на человека, когда еле-еле передвигаю ноги, когда даже в теплый день достаточно малейшего ветерка, чтобы слечь на несколько дней в постель, когда, наконец, каждый Божий день треплет меня лихорадка. Я уверен, что, если бы Вы видели меня, то, прежде чем узнать меня, Вы невольно отшатнулись бы от меня. Впрочем, в последние дни заметно поправляюсь. Начал пить кумыс, который пока мне мало помогает, так как он из кумысного заведения целиком через мой желудок переходит в <...>. Несмотря на все это, я бодр и нахожу в себе достаточно сил, чтобы гулять в парке вместе с Дондуковым-Корсаковым¹, Ермоловой² и т.п. По части ухаживаний стал совсем плох – на выстрел не подпускаю к себе своих знакомых дам, ибо они волнуют меня и заставляют болтать, что мне вредно. Эротические чувства тоже заглохли – это прескверный признак. Изменился я и психически: стал чрезмерно раздражителен. Курица кудахтающая, собака, лающая на прохожего и т.д. выводят, а скорее выводили меня из себя. А о мухах и блохах и говорить нечего.

При таком настроении испортили мне несколько дней ваши москвичи – птенцы милого Богданова³. Удивляюсь я им! Часто они, мня себя тонкими дипломатами и психологами, положительно оскорбляют человека, поступая с ним как с простаком или мальчиком. Напр<имер>, их просишь об одном и просишь убедительно. Они не только не исполняют вашу просьбу, но даже не

удостоят вас ответа. Однако они и не забывают, что человек может обидеться, а потому выбирают средство успокоить, подкупить его, но средство чисто детское. Так, недавно я получаю казенную посылку с громкой надписью (не она ли должна была польстить моему честолюбию?): «Отд<еление> Импер<аторского> Об<щества> Ест<ествознания>, Ант<ропологии> и Этн<ографии>. Его Выс<око>бл<агородию> Сол<омону> Ал<ексеевичу> Тук<каеву> ...». Даю почтальону 20 к. и рассыльному 50 к. и получаю посылку. Открываю посылку и что же там нахожу? Три пятикопеечные книжки Насонова (по передвиж<ным> выст<авкам>), несколько листов программы для собирания сведений по пчеловодству и программу для собирания этн<ографических> сведений. Даже Вы можете сказать, что все это старье. И действительно. Насоновских книжек имею еще с прошлого лета целых пять, программу для соб<ирания> свед<ений> по пчеловодству тот же самый <...> прислал мне еще в январе, книжек Харузина⁴ (программа по Этнографии и т.п.) у меня тоже три экземпляра: одну дал Харузин, одну Вы, а третью – не помню, кто. Вы не думайте, что они не знали, что книги эти я имею, или, что у них нет ничего более новенького и интересного. Наоборот, отлично они это знали, и было что послать, напр<имер>, хоть по той же выставке. Но не я для них интересен, а им важно сделать так, чтобы не плакало дитя. Довольно о них. Бог с ними.

От Анисимова⁵ получил довольно странное письмо. Прежде всего он радуется, что я поправился (с Ваших слов)

так хорошо. Далее, он пишет, что намерен поселиться в Железноводске, «чтобы отдохнуть и подышать горным (!) воздухом». Как Вам известно, для этой цели едут в Кисловодск, а в Железноводске лечат только женские болезни. Но это еще простительно ему, а вот посмотрите, что пишет далее: «Скоро, скоро я приеду в Железноводск и тогда будем видеться каждый день и делить скуку». Это на расстоянии 55 верст-то! Как видите, он думает, что все группы сосредоточены в одном месте. Имея такое представление о водах, он и просит меня найти ему квартиру в Железноводске. Пусть ждет, так я ему и поехал за 55 верст. Чудак, хоть бы у Вас спросил, а то едет, сам не зная, куда и зачем.

Об Измаиле⁶ и Сафаре могу Вам сообщить кое-что, а о коллекции⁷ я уже написал Сафару, и, когда получу ответ, сейчас же напишу. Измаил по окончании процесса уехал домой в сопровождении толпы народа, которая чуть не устроила ему овацию. Приехав домой, он, несмотря на то, что крепился, слег в постель. С каждым днем ему становилось все хуже и хуже, так что пришлось послать в Нальчик за Сафаром. Последний захватил с собою Кирилова⁸ и поехал в аул. Кирилов нашел у больного в области гру-

ди гнойную опухоль, которая могла оказаться и раком. Необходимо было сделать операцию, почему Сафар отправился во Владик<авказ> за хирургом. Последний не нашел возможным сделать операцию в ауле, а потому больного нужно было доставить хоть в Нальчик. Повезли Измаила, но на полдороге увидели, что он живым не будет доставлен в Нальчик, а потому повезли обратно в аул, где сейчас же и скончался. Мать его не захотела с ним проститься. Братья его думают, что его убила совесть⁹. Сафар в данное время во Влад<икавказ>. Хлопочет, чтобы получить место лесничего в Грозном. Если дело не выгорит, то плохи его дела.

Приписка на верхних полях л. 10 и л. 11об.: Ваше письмо прочел с большим интересом, в нем столько нового для меня. Кисловодск, наконец, оживился, так как наехало порядочно, попадаются и москвичи. С каждым днем жду, что уведомят меня о моем назначении во Влад<икавказ> инспектором. Целуйте за меня кого можно, а остальным кланяйтесь низко. Ваш (подпись С.А. Туккаева).

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.

Ед. хр. 400. Л. 9-12.

№ 7. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру
< Кисловодск>, 5 сентября <1888 г.>

Батюшка!

Не разберу, откуда пишет Бориска – из Пушкина, или из Москвы. Думаю, что, возвратясь из дальних стран, Вы уже водворились в Москве и успели уже погрузиться, если не по уши, то по горло, в свои обычные занятия. Бориска, по-видимому, доволен своей поездкой. Отдохнули ли Вы и набрались ли сил на зиму?

Даже я сделал запас, запас, правда, небольшой, но при умелом и осторожном обхождении с ним он смело может меня поддержать зиму. За два месяца – за июль и август – я увеличился в весе на 17 фун. Доктора этому придают большое значение, но я лично – никакого, так как при первой же простуде, от которой при больных легких нет никакой возможности уберечься, весь этот прирост пойдет к черту. По крайней мере я доволен тем, что лихорадки почти оставили меня, и, в общем, чувствую себя порядочно.

Мог бы и даже следовало бы уехать из этого противного Кисловодска куда-нибудь, но пока некуда: до сих пор не получаю назначений ни во Владикавказ, ни на Юг России. Недавно сделал запрос и напомнил о себе кому следует. Трудно мне будет служить, но де-

лать нечего; нужно уехать куда-нибудь хоть ради того, чтобы не быть здесь, в Кисловодске, который мне окончательно опротивел.

Постоянные ветры, дожди и скачки температуры от 25° чуть ли не до 0° не дают возможности быть на воздухе хоть два дня в неделю и заставляют быть вечно настороже. Недавно, напр<имер>, температура по ночам доходила до 0°. Только домовладельцы и доктора здешние и могут хвалить Кисловодск. Курс кончился, все разъехались, и водворилась у нас зимняя тишина и скука. Кончился он раньше обыкновенного отчасти по случаю холодов, отчасти – по случаю приезда Государя, которого ждут к 16 сентября¹. Горцы подносят Е. В. подарки *аеае сае фæндгæй*². Суматоха большая.

Пишите хоть изредка, как поживаете и что новенького? Я пока не унываю, начинаю опять ухаживать, но уже осторожно и бесцельно. Досадно, что это *таегад мийæ* (грешное дело) не обходится без волнения и кровохаркания. Низко кланяюсь всем. Ваш (*подпись С.А. Туккаева*).

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.

Ед. хр. 400. Л. 15-16.

№ 8. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру

< Кисловодск, серед. – вторая пол. сентября 1888 г.>¹

Дорогой батюшка!

Мне кажется, что я непременно бы выздоровел, если бы получал почаще такие искренние и сердечные письма, как Ваше последнее. Станный я человек! Ни талант человека, ни высокая честность, ни положение, ни широкая общественная деятельность – ничто, словом, не трогает и не подкупает меня так, как искреннее душевное отношение, которое буквально подавляет меня. Происходит ли это оттого, что еще не убита во мне потребность – когда-то сильная – в любви, или оттого, что весь я ушел в себя – не знаю. Таким был я и прежде, с той лишь разницей, что тогда, может быть, я не был так чувствителен ко всему, как теперь, когда, как говорится, все шишки сыпятся на меня, и когда принужден сам себя развлекать. Одна из этих шишек, о которой я напишу Вам после, ударила таки меня довольно чувствительно. Однако, довольно об этом.

Недавно одна почтенная петербургская дама, которая проводит лето и осень здесь и с которой я знаком довольно хорошо, ездила в Петербург и уже вернулась оттуда. Я поручал ей уз-

нать у Вице-Директора, с которым эта барыня хорошо знакома, в каком положении мое назначение. Она виделась с В[ице-]Директором и тот ей сказал, что недели через три я, наверно, буду назначен в Владикавказ. Что-то не верится этому, но хорошо и то, что время начинают считать уже неделями, а не месяцами. По этому расчету к концу этого месяца я буду назначен – посмотрим.

Погода у нас неопределенная: теплые дни чередуются с холодными осенними. Чувствую себя тоже разное. Как Вы живете? Не написали ли чего новенького? Жду не дождусь; хоть бы прислали издания свои, о которых так много хорошего читаю в газетах. Вы хотели искать Аглинцова, вот его адрес: Большой Козицкий пер., д. Тенцова Конст<антина> Давидовича.

Поклон Евгении Викторовне и всему дому Вашему. Искренне любящий Вас (*подпись С. Туккаева*). От Урусбиева давно не имею письма.

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.

Ед. хр. 400. Л. 7-8.

№ 9. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру
<Армавир, октябрь 1888 г.>¹

Адрес: с. Армавир, Кубанс<кая>
обл<асть>, податному инспектору

Дорогой батюшка!

Имею честь довести до сведения Вашего Высокородия, что благополучно возвратился на место служения и вступил в отправление своих служебных обязанностей. Удивляюсь, как я уцелел! С самого отъезда из Кисловодска испытал все невзгоды и делал – по необходимости, конечно – одно только запретное: ездил, ходил, сидел и спал, не разбирая холода и сырости, пил и ел все и далеко не в меру; гарцевал верхом и танцевал; ухаживал и хорошеньких осетинок прижимал к сердечку и пр., и пр. *Дæ цæрæмбони туххæй* выпил в нескольких домах несколько чашек *баггæни* до дна. В трех местах громадные собрания выпили за здоровье того Миллера, у которого «*æ зæрдæ махæрдæмæй*» (к нам тяготит). В другом месте меня спросили: кто оказал мне наибольшую поддержку, после того как я оставил своих родителей. Я указал на Вас, а потому пущен был тост за Ваше здоровье и выпит всеми стоя, а мне поручено сообщить Вам о том. Со всех концов Осетии приезжали видеть меня, а потому можете судить сами, насколько было мне легко. Чуть, бывало, начну нежничать, как решительно заявляли

мне, что, если я мужчина, то должен им быть до конца. Так как вне сомнения, что я мужчина, то и терпел. Один из дядюшек даже назвал меня бумажным (из бумаги) человеком, и заявил мне, что нам, Туккаевым, не нужны бумажные люди.

Словом, живым добрался до Армавира. Армавир армянское село, он лучше других сел и даже лучше многих уездных городов, но, тем не менее, надо думать, что здесь отвратительно. <...> Дороговизна ужасная. Домов хороших много, но квартир для приезжих мало, а потому они дороги. Жизненные припасы – плохие. Пока я снял две комнаты с плохой обстановкой за 20 р. Грязь здесь непролазная, сыро, ветер, идут дождь и снег, а потому сильно кашляю и болит грудь. Работы, должно быть, гибель. Если хотите, могу выучиться по-шапсугски, так как здешние армяне говорят на этом языке. Получил Вашу карточку – можете еще нравиться. Письма Бориса, Нинухи и Ев<гении> Кар<ловны> тоже получил. Низкий поклон всем. Жаль Харузина². (Подпись С.А. Туккаева).

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.
Ед. хр. 400. Л. 19-20.

№ 10. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру
<Армавир, декабрь 1888 г.>¹

Дорогой батюшка!

Весь Кавказ в ужасе и страхе Божьем: морозы доходят до 30° при ужаснейших восточных ветрах. Кто не успел спрятаться вовремя, погиб окончательно. Сегодня с одного тракта привезли восемь трупов, на другом тракте разыскивают почту, которой нет уже третий день. В эти дни я тоже был в разъезде, но, к счастью, ездил по железной дороге. Несколько раз замерзал у нас паровоз, но в конце концов прибыл благополучно домой. Что будет дальше, пока одному Богу известно. Вот Вам и чудный Кавказ! Видно, оплачиваемся за прошлую теплую зиму. Право, завидовать нужно вам, москвичам, что пользуетесь таким ровным и здоровым климатом. Бог с красотами Кавказа и Крыма.

Рад, что Ваша теория о моих предках все больше и больше подтверждается. По получении Вашего письма я сейчас же написал к бывшему хумаринскому представителю, который с уничтожением приставов в Кубанской области проживает в Кисловодске. Однако на успех я мало надеюсь, так как с уничтожением представительства в Хумаре, кажется, не осталось ни одного интеллигентного человека. Может быть, есть там сельский учитель. Несмотря на то, что Хумара называется укреплением, она не более не менее как пустошь. Во всяком случае, о результатах моего письма сообщу.

Жениться дома, к удивлению моему, мне не предлагали, но сам я не

раз заводил разговор о том (конечно, шутя), чем, разумеется, немало их удивил. Видно было, что я застал их врасплох.

В Армавире, правда, невесело, но жениться, а тем более вешаться, пока не думаю. Попробую сначала примазаться к одной еврейке, тем более что, кажется, судьба сама мне покровительствует. Есть здесь другая еврейка, которую никогда я не видел, но которая будто бы хочет во что бы то ни стало отбить меня у моей евреечки. Дай Бог ей успеха. Это тем более желательно, что, если не двух, то одного зайца-то уж наверно поймаю. Пока же и отбивать-то меня не от кого.

Не думайте также, что в Армавире уж очень скучно. Ведь у нас есть клуб, где более 200 членов. Два оркестра – военный и бальный <...> – играют попеременно. Для Вас же наш клуб был бы не только клубом, но музеем этнографическим. Сколько тут <...> с разными оттенками! Чего стоит армавирец, представляющий собою среднее арифметическое из армянина + черкеса + русского! Поздравляю всех вас с наступающими праздниками, а мне пожелайте успеха <...>.

Что делает этот верблюд Ник<олай> Викт<орович> <?> (Подпись С.А. Туккаева).

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.
Ед. хр. 400. Л. 21-22.

№ 11. С.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру

4 марта 1889 г.

с. Армавир.

Ну, и сын, и отец наложили опять печать молчания на свои уста! Чего Борис-то молчит? Должно быть, не выдержал экзамена и стыдно ему писать мне. Надо мною опять сразилась беда: во время разъездов, в сырости, простудился и вот уже три недели не встаю с постели. Разыгрался воспалительный процесс в правом легком. Умереть не умру, потому что почти уже здоров, но сильно похудел и опять стал похож на всех чертей. Если эта мерзкая погода простоит еще долго, то или выгонят меня со службы, или нужно будет еще раз простудиться.

Что Вы-то поделываете и как живете? Знаю только о деятельности Вашей в Этнографическом отделе из «Рус<ских> Вед<омостей>». Николай Викторович и как ученый не дает более о себе знать. Ковалевский, как истый дворянин, проживает жизнь за границей.

<...>

Не собираетесь ли летом на Кавказ? По-моему, следует Вам это лето

проехать. Если будет возможно, то и я возьму отпуск. Что у Вас делается хорошего? Как живут Евгения Викторовна и дети, Евгения Карловна, Николай Федорович¹ с чадами и Насоновы? Правда ли, что Петр Николаевич² женился на семнадцатилетней девочке? Ну как назвать такого человека? Увидите – поздравьте его от меня. Что Вы мне ничего не шлете как из своих творений, так и творений разных Харузиных и Хахановых³? Неужели думаете, что я, кроме податей, уже ничем не интересуюсь? Служба моя пошла бы хорошо, если бы была погода. От трех только купцов я уже дал казне больше, чем стою ей.

Низко кланяюсь и целую всех (*подпись С. А. Туккаева*).

Где Вольдемар и примирился ли с своим новым положением?

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.

Ед. хр. 400. Л. 5-6.

№ 12. А.Г. Туккаев – В.Ф. Миллеру

Селение Ново-Христианское

<19 июля 1892 г.>

Уважаемый Всеволод Федорович!

Сын наш Соломон был с Вами хорошо знаком и считал Вас отцом. Вы, по всей вероятности, не знаете об его смерти¹, так как мы в силу сложившихся обстоятельств не имели возможности Вас известить об этом. У нас осталось еще два сына: Георгий, 15 лет, и Даниил, 11 лет. Хотя они и учатся в настоящее время в здешних сельских школах, но получить такое образование, как покойный Соломон, не могут, так <как> материальные наши средства довольно скудны и к тому же они не пользуются таким покровительством, какое Вы оказывали нашему старшему сыну. Сам Соломон, при всей любви к Вам и к Вашим детям, не имел физических сил написать Вам о своей болезни. Мы теперь, хотя <и> несколько поздно, восполняем этот пробел и сообщаем о причинах и ходе его болезни. В марте 89 года он поехал в соседнюю станицу. Дорогой тройка увязла в грязи, и Соломон принужден был вернуться обратно ночью, в дожд-

ливую погоду, верхом на неоседланной лошади². Он хворал после этого месяца полтора и все время выражал желание написать Вам, чтобы Вы не оставили его братьев без помощи, т.е. дали бы им возможность получить некоторое образование и сделаться порядочными людьми. Хотя Соломон и выражал желание, чтобы хотя <бы> какой-нибудь из них поступил в Реальное училище и даже Даниила для этого достаточно подготовил, но мы не можем в силу известных уже Вам обстоятельств исполнить его желание и надеемся, что это сделаете Вы, его старый друг. Подробности о нашей жизни Вам сообщит податель этого письма. Мы надеемся, что Вы не замедлите нам ответить.

Известный Вам Алексей Туккаев.

P.S. Адрес наш: Через станцию Дарг-Кох, в селение Ново-Христианское Терской области.

19 июля 1892 года.

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.

Ед. хр. 399. Л. 1-2.

№ 13. Г.А. Туккаев – В.Ф. Миллеру
<сел. Христианское,
5 января 1897 г.>

Драгоценный Всеволод!

Хотя я с Вами мало знаком, потому что, когда Вы были у нас, я был маленьким мальчиком, но примите от меня душевный поклон.

Так как мне делать нечего, то каждый день читаю полученные от вас Соломоном письма и рыдаю, что уже нас не помнят, как Вы, такие люди. Желал бы хоть раз глазами увидеть Вас. Дал бы я свою последнюю рубашку за одно увидание Вас, но не имею на то средства, чем поехать в Москву.

Затем повторяю Вам, что пишет отец: принять меня к себе в какую-ни-

будь должность или найти где-нибудь в Москве ради Соломона. Вспомни дружество, помощи нам бедным в чем-нибудь. Прими меньшого брата, дай ему образование где-нибудь, хоть малое.

Ежеминутно буду ожидать ответа.

Остаюсь старший сын Алексея Туккаева и брат Вашего и Вас любившего Соломона

Георгий Алесеевич Туккаев.

1897 года 5 января. Селение Христианское.

РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1.

Ед. хр. 399. Л. 7.

Примечания:

№ 1

1. Письмо написано карандашом.
2. Юрковский Евгений Корнильевич (1833-1899) – генерал-майор, в 1883-1887 гг. начальник Терской области, исполняющий должность наказного атамана Терского казачьего войска.
3. Смекалов Алексей Михайлович (1838-1890) – генерал-лейтенант, в 1887-1889 гг. начальник Терской области, наказной атаман Терского казачьего войска.
4. Капнист Павел Александрович (1842-1904) – граф, попечитель Московского учебного округа (1880-1895).
5. Миллер Евгения Викторовна (1857-1927) – супруга В.Ф. Миллера (урожденная Насонова).
6. Миллер Федор Всеволодович (1882-1928) – младший сын В.Ф. Миллера, помощник присяжного поверенного, после 1917 г. – инспектор мест заключения.
7. Миллер Антонина Всеволодовна (1875-1944) – дочь В.Ф. Миллера.

№ 2

1. Насонов Николай Викторович (1855-1939) – выдающийся зоолог, академик. Брат жены В.Ф. Миллера. «Туккаев был с Насоновым в дружеских отношениях, – пишет Г.А. Кокиев. – В частных письмах к Миллеру Туккаев шутя называл Насонова за его высокий рост “верблюдом”» [1, 16].

№ 3

1. С.А. Туккаев уехал на лечение в Кисловодск в декабре 1887 г. Отсюда, из Кисловодска, он, скорее всего, посещал и своего врача в Пятигорске. В письме

упоминается осмотр у пятигорского врача, проведенный «два месяца назад», следовательно письмо было написано не ранее января 1888 г. Следующее письмо датируется 21 мая.

2. Аглинцев (Аглинцов) Давид Иосифович (ок. 1835-1910) – отставной подполковник, пропагандист культуры и знаток Кавказа; владел в Кисловодске домами, которые сдавал посетителям курорта. С.А. Туккаев был знаком с сыновьями Д.О. Аглинцева по Владикавказскому училищу [1, 9].

№ 4

1. Миллер Борис Всеволодович (1877-1956) – старший сын В.Ф. Миллера, филолог-иранист.
2. Миллер (?) Евгения Карловна – супруга Николая Федоровича Миллера (?).
3. Абаев Султан-бек Асланбекович (1845-1888) – балкарский музыкант, просветитель и общественный деятель. Много лет (с 1869 г.) жил во Владикавказе и внес огромный вклад в развитие местной музыкальной культуры (см.: [2; 3, 152]). О его личном знакомстве с В.Ф. Миллером в биографической литературе никаких сведений не приводится, но из письма С.А. Туккаева следует, что Миллер знал о талантливом владикавказском скрипаче. Кем являлся другой Абаев, у которого, по словам Туккаева, Миллер «крестил ребенка» (т.е. был восприемником), установить не удалось.
4. «Мирза-Джафар – по национальности персианин – профессор персидского языка Лазаревского института восточных языков. В письмах к Мил-

леру Туккаев шутя называл его “перс”, а его жену “персиха”. После Октябрьской революции Мирза-Джафар переехал к себе в Иран и умер в Тегеране» [1, 16].

5. Ковалевский Максим Максимович (1852-1916) – выдающийся ученый, историк, юрист и общественный деятель. С ним, как и со многими другими крупными русскими учеными, С.А. Туккаев познакомился в семье В.Ф. Миллера [1, 16].

№ 5

1. Основание для датировки: «Отвратительный июнь тоже немало мешает моему поправлению».

2. Урусбиев Сафарали (1858-?) – балкарский просветитель, сын Исмаила Мирзакуловича Урусбиева. С Туккаевым их связывала крепкая дружба, начавшаяся еще в стенах Петровской академии, где они учились на одном курсе. В 1883 г. Сафарали сопровождал В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского в их поездке по Балкарии, оказывая им неоценимую помощь в качестве проводника и переводчика. Из Балкарии Миллер и Ковалевский предприняли поездку в Дигорию, в селение Новохристианское. Здесь в сборе фольклорного материала Миллеру помогал Соломон Туккаев. Интересно отметить следующий малоизвестный факт. В 1884 г. на страницах журнала «Отечественные записки» появилась статья Я. Абрамова, содержащая критику работы Ковалевского: высказывались сомнения и в правильности его исследовательских методов, и в качестве собранного Ковалевским во время экспедиции 1883 г. материала [4, 163-167]. В скором времени, однако, в журнале была опубликована совместная статья Туккаева и Урусбиева, в которой они убедительно показали необоснованность критических замечаний Абрамова [5, 275-

276]. Публикация в «Отечественных записках» обнаружена исследователями творчества Урусбиева [6, 26].

3. «Леонов Николай Петрович (род. в 1856 г.) – профессор физики и математики. Был женат на двоюродной сестре В.Ф. Миллера. Часто бывал в семье Миллера, где шутя называли его “Раичкин муж”» [1, 16].

№ 6

1. Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820-1893) – князь, генерал-адъютант, в 1882-1890 гг. главноначальствующий на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа.

2. Ермолова Мария Николаевна (1853-1928) – знаменитая актриса Малого театра.

3. Богданов Владимир Владимирович (1868-1949) – этнограф, краевед, музейный работник, специалист по восточнославянской этнографии. Член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ).

4. Харузин Николай Николаевич (1865-1900) – известный русский этнограф, историк и археолог. В 1886 г. участвовал в археологической экспедиции В.Ф. Миллера на Северный Кавказ.

5. Анисимов Илья Шербетович (1862-1928) – автор исследований по этнографии горских евреев Кавказа. Будучи студентом Московского технического училища, помогал В.Ф. Миллеру в изучении языка горских евреев.

6. Урусбиев Исмаил Мирзакулович (1829-1888) – известный балкарский просветитель и общественный деятель, прекрасный знаток фольклора и культуры балкарцев и других народов Северного Кавказа. Во время четвертой поездки на Кавказ летом

1883 года В.Ф. Миллер рассчитывал встретиться с ним, «чтобы расспросить его о горцах, которых он знал вдоль и поперек» ([7, 844-845]; см. также: [8, 28-31]). Однако встреча в 1883 г. не состоялась, и мы не располагаем ясными свидетельствами того, что она имела место позднее.

7. Очевидно, имеется в виду коллекция археологических находок, собранная Исмаилом Урусбиевым. «За то время, – пишет И.М. Мизиев, – которое Ковалевский и его спутники провели в доме Урусбиевых, они тщательно осмотрели его блестящую коллекцию, происходящую из древних археологических памятников верховьев Баксана и Чегема. Отдельные предметы из этой коллекции были позднее опубликованы В.Ф. Миллером и П.С. Уваровой в первом и восьмом выпусках «Материалов по археологии Кавказа» [9, 124].

8. Кириллов – в 80-х гг. XIX в. окружной врач Нальчикского округа (см.: [10, 98]).

9. С.А. Туккаев, скорее всего, пересказывает В.Ф. Миллеру то, что ему было известно от сына Исмаила Сафарали, с которым он также поддерживал переписку. Завершающий этап жизни Исмаила, действительно, был омрачен судебным процессом по делу, обстоятельства которого (как и степень причастности к нему самого Исмаила) до сих пор до конца не выяснены (см.: [9, 115]). Известная исследовательница карачаево-балкарского просветительства Т.Ш. Биттирова считает очень ценной содержащуюся в письме Туккаева информацию о последних днях Исмаила, поскольку в литературе встречаются утверждения, что он умер от сердечного приступа, не дожив до суда. (Искренне благодарим Тамару Шамшудиновну за консультацию).

№ 7

1. Император Александр III посетил Кавказ в 1888 г. Царский поезд прибыл в Ростов-на Дону 17 сентября.

2. *Æнæ сæ фæндгæй* («без их желания») – интересная деталь, характеризующая настроения горцев.

№ 8

1. В письме говорится о скором («недели через три») назначении С.А. Туккаева на должность, которое действительно состоялось 1 октября 1888 г. Учитывая, что предыдущее письмо датируется 5 сентября, Туккаев, очевидно, должен был писать эти строки в середине или второй половине сентября 1888 г.

№ 9

1. На должность податного инспектора с пребыванием в г. Армавире С.А. Туккаев был назначен с 1 октября 1888 г. Как видно, до прибытия к месту службы ему удалось побывать дома, в сел. Христианском. Дальнейшее описание передает первые впечатления об Армавире, когда Туккаев только собирался приступить к выполнению своих обязанностей («работы, должно быть, гибель»), следовательно, письмо было написано в октябре 1888 г.

2. Очевидно, речь о брате Н.Н. Харузина этнографе Михаиле Николаевиче Харузине, умершем от тифа 25 сентября 1888 г.

№ 10

1. Написано зимой, при этом С.А. Туккаев поздравляет В.Ф. Миллера с наступающими праздниками, скорее всего, имея в виду Новый год и Рождество.

№ 11

1. Миллер Николай Федорович (1847-1897) – брат В.Ф. Миллера,

доктор медицины, автор научных трудов.

2. Миллер (?) Петр Николаевич – сын Николая Федоровича Миллера (?).

3. Хаханов Александр Соломонович (1866-1912) – известный филолог, историк и общественный деятель, профессор Лазаревского института восточных языков.

№ 12

1. Г.А. Кокиев пишет о последних днях С.А. Туккаева: «29 марта 1890 года он скончался в родном доме в сел. Христианском, куда накануне был перевезен в безнадежном состоянии. Подпоручик 78 пехотного Навагинского полка В. Саламов 9 ноября 1893 г. в письме Миллеру сообщил следующие подробности о смерти Туккаева: “Я был дома, пришел в церковь. Стоя у моста, что возле церкви, я заметил, как проехал фаэтон: там сидел С. Туккаев, поддерживаемый сестрой и зятем; только что он доехал домой, уж разнеслась весть, что он умер”» [1, 13-14].

2. Надо полагать, здесь Алексей Туккаев более подробно описывает обстоятельства, вызвавшие резкое ухудшение состояния здоровья Соломона

Туккаева, о чем последний сам сообщил В.Ф. Миллеру в письме от 4 марта 1889 г.: «Надо мною опять сразилась беда: во время разъездов, в сырости, простудился и вот уже три недели не встаю с постели. Разыгрался воспалительный процесс в правом легком». Следовательно, эта роковая поездка должна была состояться не в марте, а в середине февраля 1889 г. Неясность заключается в том, что о начавшейся после этого болезни, точнее – ее обострении, отец Соломона Туккаева пишет как о непосредственной причине его смерти, которая, таким образом, должна быть отнесена к концу марта 1889 г. (если болезнь действительно, как пишет Алексей Туккаев, длилась полтора месяца), в то время как Г.А. Кокиев называет другую дату – 29 марта 1890 г. Цитированное выше письмо от 4 марта 1889 г. – последнее из дошедших до нас писем Соломона Туккаева к В.Ф. Миллеру, что, на наш взгляд, косвенно свидетельствует в пользу достоверности сведений, приводимых Алексеем Туккаевым. Очевидно, общепринятая дата смерти С.А. Туккаева нуждается в уточнении.

1. *Кокиев Г.А.* Этнограф осетинского народа С.А. Туккаев (краткий биографический очерк). Дзауджикау, 1948.
2. *Сафарян С.Н.* Султан-бек Абаев. Нальчик, 1964.
3. *Канукова З.В.* Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. 2-е изд. Владикавказ, 2002.
4. *Абрамов Я. М.М.* Ковалевский о сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа // Отечественные записки. 1884. Т. 267. Отд. II. С. 163-167.
5. *Туккаев С., Урусбиев С.* Письмо в редакцию // Отечественные записки. 1884. Т. 268. Отд. II. С. 275-276.
6. Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Баси-Шаханов. Нальчик, 2007.
7. *Миллер В.Ф.* В Горских обществах Кабарды. Из путешествия Всева Миллера и Макс. Ковалевского // Миллер В. Ф. Фольклор народов Северного Кавказа: тексты исследования. М, 2008. С. 843-877.
8. *Калоев Б.А. В.Ф.* Миллер – кавказовед. (Исследование и материалы). Орджоникидзе, 1963.
9. *Мизиев И.М.* Следы на Эльбрусе. Карачаевск, 2001.
10. *Нахушев Х.Т.* К истории развития здравоохранения в дореволюционной Кабардино-Балкарии // Ученые записки КБНИИ. 1967. XXV. С. 94-104.

Документы подготовлены к публикации А.В. Дарчиевым